

Век не гулянье и кровь не вода,
Верность и та запоздала,
Время пройдет — и не сыщешь следа,
Где красота отрыдала.

Время вплеснется — и вытянет нить,
Свяжет узлы и события, —
В чем же ненастье ты хочешь винить
С нечистью, с волчьёю сытью?

В том ли, что часто встречались они
В трудную пору, в дороге?
Время встряхнется — и прежние дни
Кажутся чище в итоге.

Век ненасытен — и поздно вставать
На перепутье дозором, —
Время взгрустнет — и нельзя горевать,
Глядя на пламя с укором.

Ходишь и смотришь — и дальше ходи
Там, за рекою рябою,
Слышишь и видишь — и дальше веди
Всех, кто пойдет за тобою.

Хочешь и можешь — и должен пройти
Весь лабиринт становленья,
Чуешь и веришь — и должен в пути
Всех оставлять в изумленье.

Проще смотри на земные дела,
Реже советчиков слушай,
Чаще молись, чтобы вера вела
Кромкой меж морем и сушей.

Шире объятья для речи раскрой,
Душу свою сберегая,
Чтобы вон там, за Святою горой,
Эра встречала другая.

* * *

Вечерами — яблоки да чай,
Тихий жар, оставленный в печи, —
Головой тяжелой не качай,
О былом, пожалуй, помолчи.

Что за пламя стыло над рекой —
Где-то там, в далекие года,
Где к тому, что было под рукой,
Не вернемся больше никогда?

Что за голос пел из облаков
Где-то там, в смятении моем,
Чтобы стаяй вился мотыльков
Каждый миг, постигнутый вдвоем?

Запоздалой странницею ты
В тишине склонялась надо мной —
И теснился сгусток темноты
В стороне нехоженой лесной.

Дни пройдут — на счастье, на беду,
Прошуршат, сводящие с ума, —
Нет, не время было на виду
В этих снах, а музыка сама.

За волною новая волна
Захлестнет где камни, где песок —
Не томит ли давняя вина? —
Серебрит затылок да висок.

Что-то к горлу вроде подошло —
Где он, вздох по далям золотым? —
Прорвалось — и встало на крыло,
Все сбылось — так вспомним и протим.

Тихий свет увидим впереди,
Даже то, сощурясь, разглядим,
Что спасет, — стой, не уходи! —
Не горюй, усталый нелюдим.

Размышляя о слове своем,
 Поднимаем усталые взоры мы —
 И глядим за оконный проем,
 В наслоенья за шторами
 Пестроты, а потом — желтизны,
 А потом — оголенности,
 Что кругом, как нарочно, видны
 При любой отдаленности.

Там холмов и хребтов на ветру
 Виноватая складчина,
 Там беспечность вступает в игру,
 Да и всякая всячина,
 С неизбежностью воли морской
 И степной безымянностью,
 Чтобы вдруг завершилось тоской
 То, что кажется странностью.

Сторониться ли нынче хандры
 Или сызнова броситься
 В эту мглу, что слепа до поры? —
 Только с каждого спросится,
 Если выбор щедрот неширок
 И сильны убеждения
 В том, что нет у незримых дорог
 Полосы отчуждения.

Привыкший делать все наоборот,
 Я вышел слишком рано за ворота —
 И вот навстречу хлынули щедроты,
 Обрушились и ринулись вперед,
 Потом сомкнули плотное кольцо,
 Потом его мгновенно разомкнули —
 И я стоял в сиянии и гуле,
 Подняв к востоку мокрое лицо.

Там было все — источник бил тепла,
 Клубились воли рвенье и движенье,
 Земли броженье, к небу притяженье,
 Круженье смысла, слова и числа, —
 И что-то там, пульсируя, дыша,
 Сквозь твердь упрямо к миру пробивалось, —
 И только чутая снова оставалось,
 К чему теперь вела меня душа.

Бывало все, что в жизни быть могло,
 И, как ни странно, многое сбывалось,

Грубело пламя, ливнями смывалось
Все то, что к солнцу прежде проросло, —
Изломанной судьбы я не искал —
И все, как есть, приемлю молчаливо,
Привычно глядя в сторону залива,
Где свет свой дар в пространстве расплескал.

* * *

Откуда бы музыке взяться опять?
Оттуда, откуда всегда
Внезапно умеет она возникать —
Не часто, а так, иногда.

Откуда бы ей нисходить, объясни?
Не надо, я знаю и так
На рейде разбухшие эти огни
И якоря двойственный знак.

И кто мне подскажет, откуда плывет,
Неся паруса на весу,
В сиянье и мраке оркестр или флот,
Прощальную слава красу?

Не надо подсказок, — я слишком знаком
С таким, что другим не дано, —
И снова с ее колдовским языком
И речь, и судьба заодно.

Мы спаяны с нею — и вот на плаву,
Меж почвой и сферой небес,
Я воздух вдыхаю, которым живу,
В котором пока не исчез.

Я ветер глотаю, пропахший тоской,
И взор устремляю к луне, —
И все корабли из пучины морской
Поднимутся разом ко мне.

И все, кто воскресли в соленой тиши
И вышли наверх из кают,
Стоят и во имя бессмертной души
Безмолвную песню поют.

И песня растет и врывается в грудь,
Значенья и смысла полна, —
И вот раскрывается давняя суть
Звучанья на все времена.